

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

М.М. Федорова

О ПАРАДОКСАХ ВРЕМЕНИ ИСТОРИИ

Федорова Мария Михайловна – доктор политических наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: mf57@yandex.ru

Статья представляет собой попытку осмысления радикальных перемен в историческом самосознании современной эпохи и их влияния на современные политические практики. Позиция автора состоит в том, что наше отношение к времени истории кристаллизует глубокие трансформации политической сферы. Показано, что режим историчности рубежа XX–XXI столетий характеризуется ориентацией на сегодняшние потребности и интересы (так называемый презентизм) и одновременно повышенным вниманием к прошлому («мемориальная революция»), которое в отсутствие крупных социально-политических проектов будущего играет роль консолидирующего общественного фактора. Эти перемены потребовали, с одной стороны, значительных усилий историков по пересмотру методологических оснований своей науки и, с другой, философской рефлексии в отношении ключевых историко-философских понятий и смыслов. Наиболее значимые дискуссии касаются прежде всего понятия прошлого в его отношении к настоящему, «современности». Понимание онтологических и эпистемологических оснований этих понятий стало сегодня «яблоком раздора» при выстраивании современных политических стратегий и практик. В статье продемонстрировано, как прошлое из понятия ясного и самоочевидного, каким оно выступало в рамках истористских концепций эпохи Модерна, стало философской и политической проблемой в наши дни. Выделены два подхода к решению этой проблемы. Это, во-первых, те философы и историки, которые отстаивают модернистскую идею прошлого как иного по отношению к настоящему, хотя и существенным образом модифицируют ее с помощью идеи «живого прошлого». И во-вторых, те философы, которые отстаивают тезис о «непрошедшести» прошлого и продолжении его существования в настоящем. Сделан вывод о том, что при всем различии оба типа концепций исходят из понятия «живого прошлого», предполагающего нелинейное и «многослойное» понимание исторического времени.

Ключевые слова: время истории, прошлое, настоящее, современность

Для цитирования: Федорова М.М. О парадоксах времени истории // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 127–143.

Введение. Историческое время Модерна

В 1983 г. Мишель Фуко напишет работу, название которой повторяет известный кантовский вопрос: «Что такое Просвещение?». В ней он сформулирует идею, очень точно выразившую суть философской рефлексии рубежа XX–XXI столетий – «размышление о “сегодняшнем дне” как об отклонении или различии в истории и мотиве для конкретного философского дела». Итак, чем мы, сегодняшние, отличаемся от предшествующих поколений? И как следует мыслить это различие? Фукианский, как, впрочем, и кантовский вопрос означает, что мы прежде всего должны определиться с этим «сегодня». Рефлексию такого рода Фуко назовет «установкой на современность», определяя ее как «некий способ относиться ко всему, что сейчас происходит, свободный выбор, который принимается некоторыми из нас, и, наконец, некий способ мыслить и чувствовать, а также способ действовать и вести себя, который разом отмечает нашу сопричастность текущему моменту и представляется как некое задание»¹. Очень точно схваченная Фуко связка теоретической (историософской) и практической (политической) сторон дела станет не только предметом жарких дискуссий, в которые будут вовлечены и историки, и культурологи, и философы, и политологи, но и объектом политических практик, получивших название исторической политики в самом широком смысле этого слова.

Попробуем разобраться в философских основаниях этого феномена, знакового для рубежа XX–XXI вв. Очевидно, что в данном случае речь должна вестись о весьма существенном сдвиге в структуре исторического сознания современного человека, чье восприятие исторического времени и своего места в потоке этого времени изменилось за последние полвека. Культурологи и историки полагают возможным говорить об изменении режима историчности². Если воспользоваться концепцией историчности Райнхарта Козеллека, то историческое сознание Модерна можно описать как постоянное натяжение между «пространством опыта» и «горизонтом ожидания». Человек эпохи Просвещения, а особенно XIX в., мало оглядывается назад, на прошлые «темные века». Он жестко противопоставляет прошлое и настоящее: это противопоставление отчетливо читается во всех знаменитых «спорах» эпохи – в споре Древних и Новых конца XVII в., в дискуссиях представителей Просвещения и романтиков, в антагонизме Старого порядка и Нового порядка после Великой французской революции. Это

¹ Фуко М. Что такое Просвещение // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Т. 1. М., 2002. С. 344.

² Понятие режима историчности было введено в научный оборот в 80-е гг. XX в. усилиями антропологов и историков. Французский историк Ф. Артог, известный крупной работой «Régimes d'historicité: présentisme et expérience» (2003), заимствовал это понятие у американского культуролога и антрополога Маршалла Салинза. В самом общем смысле режим историчности – это способ артикуляции прошлого, настоящего и будущего в той или иной культуре; это способ отношений социальных акторов со временем и историей, способ вписания этих отношений в настоящее, которое может быть настоящим памяти или настоящим действия. Понятие режима историчности лишено внутренней гомогенности, оно подразумевает сложную структуру, внутренние противоречия между его различными элементами. В частности, Артог сосредоточен не столько на периодизации режимов историчности, сколько на разрывах в порядке переживания временных измерений, на «границах и порогах», моментах рассогласования исторического опыта, на «кризисных моментах времени... когда артикуляция прошлого, настоящего и будущего утрачивает свою очевидность» (Hartog F. Régimes d'historicité: présentisme et expérience. Paris, 2003. P. 27).

умонастроение прекрасно передавала строчка Интернационала Эжена Пюгье (1873) – «Du passé faisons nous table rase», в дословном переводе «превратим прошлое в tabula rasa». Прошлое здесь – это онтологически Иное, выходящее за рамки нашего опыта, которое в политическом плане требуется отринуть или разрушить. Революция же – то время, когда История меняет свой смысл. Человек эпохи Нового времени сосредоточен на самом себе и собственном Разуме, выступающем синонимом Свободы. Ведь норму здесь задает не История, а Разум, призывающий отбросить все предрассудки, эти «помочи для бездумной толпы» (Кант), и сосредоточиться на построении справедливого и свободного общества.

Будущее как горизонт ожидания для человека Модерна виделось обязательно как лучшее будущее, которое должно принести непереносимое совершенствование всех форм человеческого существования. Оно рассматривалось как не выводимое однозначно из прошлого и, более того, из настоящего. Путь к нему лежал через революционное преобразование общества, подразумевавшее, во-первых, научные и технологические решения, которые создадут новый экономический базис, и, во-вторых, институциональные изменения, способные разрешить социальные проблемы. И это лучшее будущее должно было оправдывать прошлое и ретроспективно придавать ему смысл – такова была идея телеологических историософских построений и такова в самых общих чертах конфигурация режима историчности Модерна. В политическом плане общество Модерна утверждает автономию политического и определяет себя через проект, осознает собственное становление через возникновение радикальной инакости или абсолютной новизны грядущего. Историчность выступала в качестве осознания того, что мы сами творим себя вне провиденциальной судьбы, утверждая собственную свободу как возможность изменяться во времени. «...Идея прогресса не только внушает идею априорного превосходства будущего... над прошлыми вещами, – отмечает Поль Рикёр. – Идея новизны, связанная с идеей модерности... предполагает как минимум обесценивание предшествующих времен по причине их анахроничности, а как максимум – отрицание, равнозначное разрыву»³. Такой тип исторического сознания теснейшим образом был связан с идеологическими формами и политическими практиками. Идеологии как раз и выступали опосредующим звеном, позволяющим перейти от исторического знания к политическому действию. Они по-разному организовывали три временных модуса, но все так или иначе были связаны с понятием смысла истории. Отметим, что исторический оптимизм и прогрессизм, берущие свое начало в сочинениях Тюрго и Кондорсе, в той или иной степени прочитывались во всех идеологических конструктах Модерна от радикально левых до правых.

Парадоксальность современного исторического сознания

Этот тип исторического сознания, равно как и артикулированные им политические практики, ориентированные на достижение лучшего будущего, и были поставлены под сомнение во второй половине XX в. Историческое сознание социума рубежа XX–XXI вв. характеризуется странным парадоксом.

³ Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 425–426.

С одной стороны, отсутствие масштабных социополитических проектов и общее разочарование в будущем порождает режим историчности, именуемый обществоведами презентизмом⁴, в рамках которого время, ориентированное на будущее, время надежд и ожидания предстает как время отсутствия, неполноты, подавленных желаний. Не случайно образ Прометея (само имя которого Προμηθεύς означает «предвидящий», «мыслящий прежде»), символизировавший революционный порыв и устремленность в будущее, заменяется Маркузе образами Орфея и Нарцисса, т.е. символами остановки времени, гедонистической культуры и т.п. Возрастающая одномерность темпоральности, сосредоточенной на сиюминутном и эфемерном, отмечена не только дисконтинуальностью, но и редуцированностью к настоящему индивида. Следствием феномена обесценивания прошлого, говорит Рикёр, является то, что люди «подвергаются испытанию несовременности современного»⁵. Новые коммуникационные технологии создают иллюзию мгновенности (вневременности) времени и одновременно вездесущности и фиктивности пространства; настоящее доминирует над всеми условиями временности. Будущее видится все более рискованным и исполненным опасности. Обращаясь исключительно к текущим ценностям и лежащим в их основе интересам, презентизм продвигает морализаторский подход, отдающий предпочтение безапелляционным суждениям и эссенциализации отдельных лиц и групп.

С другой стороны, в тот же самый период получил развитие сложный и многоплановый социальный феномен, часто обозначаемый как «мемориальная революция». В самом широком смысле он включает в себя разнообразные явления от формирования многочисленных мемориальных практик и принятия мемориальных законов до «войн памятников». Память, зачастую подменяя собой историю, проникает буквально всюду, захватывает все репрезентативное пространство прошлого: она представляет себя, а не историю, как способ управления прошлым. Более того: «созидание проекта будущего увязывается отныне с ретроспективным видением прошлого»⁶. Нельзя не сказать и о том, что неподдельный интерес к истории, и в первую очередь к истории Второй мировой войны, обретает политическую окраску и открывается совершенно неожиданными проявлениями в виде прокатившейся по всему миру волны «мемориальных войн» и многочисленных фальсификаций исторических фактов. Сегодня не будущее, а прошлое в качестве идеологического аргумента активно вовлекается в такие важнейшие социально-политические процессы, как формирование национальной идентичности и консолидация общества.

Эти явления стали предметом исследовательского интереса обществоведов самого различного профиля, результаты профессиональной деятельности которых сложно перечислить даже в самом кратком обзоре. Но нас

⁴ См., например: *New Papers on the Present: Focus on Presentism*. Munich, 2013; *Tallant J.Ch. Presentism, persistence and trans-temporal dependence // Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in Analytic Tradition*. 2018. Vol. 175. No. 9. P. 2209–2220; *Zawadzki P. Les équivoques du présentisme // Esprit*. 2008. No. 345 (6). P. 114–134; *Hartog F. Présentisme et vivre ensemble // Entre temps court et temps long*. Paris, 2013. P. 43–52; *Пенуна Л.П. Эффекты «непостижимого ускорения», или Феномен презентизма в истории исторического сознания // Диалог со временем*. 2018. Вып. 65. С. 48–58.

⁵ *Рикёр П. Память, история, забвение*. С. 426.

⁶ Там же. С. 433.

в данном случае мемориальный феномен интересует как симптом кардинальных перемен, происходящих в мироощущении человека рубежа XX–XXI столетий, когда будущее перестает быть консолидирующей идеей, проектом. Но и презентизм с его сосредоточенностью на сиюминутном, повседневном и обыденном не способен объединять, ибо сегодняшние цели летучи и мимолетны, а для выстраивания политических стратегий нужны прочные основания. Кроме того, обратная сторона презентизма – признание реконструируемости прошлого в зависимости от настоящего. В этих условиях отношение к прошлому обретает действительно политическое измерение, оно становится «политическим предметом» вследствие «наделения [его] политическими смыслами определенным образом ориентированными действиями людей»; отношение к прошлому сегодня порождает конфликты, которые «затрагивают “общие условия” их совместной жизни»⁷. Не случайно поэтому тщательной философской критики потребовали сами понятия прошлого и настоящего, и именно понимание онтологических и эпистемологических оснований этих понятий стало сегодня «яблоком раздора» при выстраивании современных политических стратегий и практик. Отношение к времени кристаллизует глубокие трансформации политической системы.

Историзм как модерновское видение истории исходил из идеи «прошедшего прошлого»: прошлое – это то, что ушло и ушло безвозвратно, его онтологический статус иной, нежели статус настоящего, существующего здесь и сейчас, но прошлое можно восстановить в настоящем в целостности и нераздельности путем историографической операции. Впервые сомнения в этой позиции, вполне рациональной с точки зрения здравого смысла, возникли в ходе критического переосмысления оснований историзма. «Современное прошлое, – скажет Ф.Р. Анкерсмит, – это гораздо менее подвижное и завершённое прошлое, чем у предыдущего поколения. Оно уже не представляет собой сплошную объективную реальность»⁸.

Прошлое как проблема: Мишель де Серто

Одним из первых историков, для которых прошлое в его отношении к настоящему представляло действительно проблему, был Мишель де Серто. Он не разделяет иллюзий историографии XIX в. (и известного французского историка той эпохи Жюлья Мишле, в частности), полагавшей возможным восстановить историческую целостность и заставить ее жить в настоящем. В отличие от Мишле, Серто отстаивает идею отсутствия прошлого в настоящем и принципиальной инакости прошлого по отношению к настоящему. Это отсутствие, говорит Серто, и конституирует исторический дискурс и самого историка. Поэтому нужно не восстанавливать прошлое, каким оно было, а *реконструировать* его в диалоге с настоящим, исходя из непреодолимого зазора между прошлым и настоящим. Историографическая операция состоит вовсе не в том, чтобы проецировать на прошлое наше сегодняшнее видение мира и социума и наш современный язык, она не сводима и к простому накоплению сведений о произошедшем. Она предполагает

⁷ Капустин Б.Г. Критика политической философии. М., 2010. С. 9.

⁸ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 24.

открытие Другого, поддержание связи с исчезнувшим, сохраняя «зазор», который и есть акт самоконституирования в качестве существующего и мыслящего сегодня⁹. История поэтому не зеркальное отражение автором и массы документов и свидетельств, она есть серия операций в пространстве «между» прошлым и настоящим, в пространстве, которое никогда не стабильно в силу зыбкости самой рефлексии современного.

В историографической операции Серто выделяет три взаимосвязанных измерения. Во-первых, историческое творчество есть продукт определенной социальной и институциональной среды точно так же, как потребительские товары суть продукты определенного производства. Во-вторых, история – это практика. Она представляет собой не просто обезличенную интерпретацию историка, но всегда опосредована техникой (начиная с установления источников, их классификации, их помещения в другое пространство и т.д.), ее граница постоянно перемещается между данным и сотворенным, между документом и его интерпретацией. Поэтому историк «работает на полях. И в этом отношении он превращается в бродягу»¹⁰. Его предметом может стать и то, что вытесняется разумом (колдовство, безумие, народная литература и т.п.). В-третьих, история есть письмо. В тот же период Ролан Барт утверждает, что нет никакой разницы между историческим и художественным нарративами. Он говорит об «эффекте реальности» исторического дискурса, который, с его точки зрения, представляет собой лишь мистификацию¹¹.

Прошлое как проблема: нарративизм

Идеи Серто и Барта дали основания для развития – особенно на англосаксонской почве – деконструктивистских толкований в рамках «лингвистического поворота». Такие философы и историки, как Артур Данто, Уолтер Брайс Гэлли, Луис Минк, Хайден Уайт¹² и др., выдвинули тезис о том, что нарративная форма играет решающую роль в историографии. Они пришли

⁹ de Certeau M. L'Absent de l'histoire. Tours, 1973. P. 158.

¹⁰ de Certeau M. L'écriture de l'histoire. Paris, 1975. P. 91.

¹¹ В частности, Барт пишет, что «...исторический дискурс по самой своей структуре... представляет собой прежде всего идеологическую, точнее воображаемую конструкцию, – в том смысле что воображаемое есть тот язык, которым отправитель дискурса (существо чисто языковое) “заполняет” субъекта высказывания (существо психологическое или идеологическое). Отсюда понятно, почему понятие исторического “факта” нередко, у разных мыслителей, вызывало к себе недоверие... Так мы приходим к парадоксу, которым и регулируется вся система исторического дискурса (в отличие от других типов дискурса): факт обладает лишь языковым существованием (как элемент дискурса), но при этом все происходит так, будто его существование – просто “копия” какого-то другого существования, имеющего место во внеструктурной области, в “реальности”. Очевидно, это единственный дискурс, где референт рассматривается как внешний по отношению к дискурсу, хотя достигнуть его невозможно помимо этого дискурса» (Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 437–438).

¹² См.: Danto A. Analytical Philosophy of History. N.Y., 1965 (рус. пер.: Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002); Gallie W.B. Philosophy and historical Understanding. N.Y., 1964; Mink L. Narrative Form as a Cognitive Instrument // Mink L. Historical Understanding. Ithaca (NY), 1987. P. 182–203; White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore, 1973 (рус. пер.: Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург, 2002).

к выводу, что любое значимое историческое произведение дает нам синтез и объяснение некоего аспекта реальности в той мере, в какой это произведение структурировано как рассказ (нарратив), подобный литературному. Деятельность историка носит «конфигурирующий» характер; в терминологии Минка, историк реконструирует реальный мир, который сам по себе является «бесформенным», так как «не существует нерасказанной истории», поэтому историография не просто транскрипция реальности. Но при этом нарративисты отличают историографию от литературы, утверждая, что историк должен опираться только на достоверные факты. Даже идеальный хроникер, говорит Данто, не может стать историком, а его доскональное знание событий – историческим повествованием, потому что в этом повествовании не будет «интриги», связывающей все факты с предшествующими или грядущими событиями. Эта «интрига» привносится извне, хотя Поль Рикёр, например, утверждает, что «интрига» как бы префигурирована в мире человеческого действия, который сам по себе лишен нарративной структуры¹³. Но факты, способные стать историческим повествованием, по его мнению, обладают чертами, называемыми им «преднарративными», связанными с темпоральной структурой, которая только и способна сделать историю возможной и реальной. Дэвид Карр делает еще один шаг: реальность, историю которой мы составляем, сама уже структурирована как рассказ, при этом «конфигурация времени посредством нарратива и конституирование себя как субъекта нарратива... это их способ существования». Таким образом, «нарратив есть онтологическое понятие, он не способ описания», и не историческое познание, а сам предмет этого познания, историческая действительность, сами *res gestae*¹⁴.

Критика нарративистского подхода к истории и прошлому началась практически одновременно с возникновением нарративизма, причем это была критика со стороны как яростных противников нарратива, так и тех, кто принимал его с некоторыми оговорками. Среди главных упреков в адрес нарративистов можно назвать, во-первых, берущее начало от Барта отождествление исторического повествования с художественным (соответственно, отказ историографии в праве на объективную истину). Во-вторых, преуменьшение роли субъекта в историческом познании. Если роль субъекта будет незначительной, полагает Ф. Анкерсмит, то мы окажемся «в постструктуралистском мире», где «язык говорит человеком», где субъект или автор – лишь атрибуты языка. И соответственно возникает вопрос, задаваемый Анкерсмитом, выступавшим за корректировку и обновление изначальных нарративистских требований: способен ли историк совершить побег из «тюрьмы языка» (по выражению Ницше), может ли он вступить в реальные, подлинные и «опытные» отношения с прошлым, т.е. отношения, которые не замутнены историографической традицией, дисциплинарными допущениями или лингвистическими структурами¹⁵? В-третьих, интерпретация прошлого, осуществляющаяся в настоящем, непременно заключает в себе сегодняшние «предрассудки» исследователя (его мировоззренческие представления, политические предпочтения и т.п.), существенным образом влияющие на результат работы. Так, профессор

¹³ Рикёр П. *Время и рассказ*. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. М.; СПб., 1998. С. 71–72.

¹⁴ Carr D. *Time, Narrative and History*. Bloomington, 1986. P. 85.

¹⁵ Анкерсмит Ф.Р. *Возвышенный исторический опыт*. С. 21.

Национального университета Комахуэ (Аргентина) Мария Иньес Мудровчич полагает, что даже любая историческая периодизация, в том числе установление различий между прошлым и современным, есть перформативное различие, которое носит политический характер. Политика времени, с ее точки зрения, – это совокупность операций, которые, устанавливая то, что является характерным и внутренне присущим настоящему, конструируют Иное, исключая его из настоящего. Более того, по мнению Мудровчич, специфика западноевропейского понимания современности, сложившегося еще в XIX в., заключается не только в том, что современность представляет собой универсальную линейную матрицу, что требует переосмысления истории через некую третью концептуализацию: не все, что существует в настоящем, является современным. Поэтому современность, с одной стороны, перестраивает прошлое, отбрасывая его как отжившее и мертвое (диахроническая дискриминация), а с другой – реконструирует настоящее, проводя различие между современниками и тем, кто не является таковыми вследствие того, что они не разделяют одни и те же политико-культурные нормы (синхронная дискриминация)¹⁶.

«Одновременность неодновременного» vs Инакость прошлого

Эти моменты приводят к тому, что в восприятии современного человека границы между прошлым и настоящим размываются и идея прошлого как Иного, навсегда ушедшего, ставится под сомнение и превращается в предмет дискуссий, причем не только эпистемологического, но и, быть может, главным образом политического характера, особенно в контексте мемориальных исследований и мемориальной политики. Ведь прошлое, которое «не уходит», прошлое, сохраняющее память о тяжелых травматических событиях, разделяющих людей, может стать источником новых конфликтов и разделений. Нельзя не согласиться в этом отношении с бельгийским философом, профессором Гентского университета Бербером Бевернажем, утверждающим, что «кризис прошлого» способен привести к тому, что «под угрозой окажется само чувство коллективно разделяемого настоящего или современного “Мы”, а значит, и способности к (прогрессивному) коллективному действию»¹⁷.

Таким образом, в центре дискуссий – онтологический статус прошлого, онтологические основания самой истории, понимаемой не как некая тотальность или хранилище действий и событий, а как процесс, в котором есть место противоречиям, антагонизмам, фрагментарности, плюральности. По сути, в этих спорах можно выделить две позиции. Одни философы защищают модернистский тезис об инакости прошлого, хотя существенным образом модифицируют традиционные нововременные позиции (и это скорее представители феноменолого-герменевтической философской традиции). Другие же – представители «радикального историзма» в определении

¹⁶ См.: *Mudrovic M.I.* The politics of time, the politics of history: who are my contemporaries? // *Rethinking History*. 2019. No. 23 (4). P. 456–473.

¹⁷ *Бевернаж Б.* «Прошедшее прошлого»: некоторые размышления о политике и историзации и кризисе истористского прошлого // *Логос*. 2021. Т. 31. № 4. С. 67.

отечественного философа Андрея Олейникова¹⁸ – предлагают отказаться от жесткого противопоставления присутствия/отсутствия прошлого в настоящем и взглянуть на это соотношение с позиций «одновременности неодновременного», по выражению Деррида. Примечательно, что сторонники как первой, так и второй концепции исходят из понятия «живого прошлого», предложенного Р.Дж. Коллингвудом, полагавшим, что в отличие от природного процесса, в котором прошлое умирает, в процессе историческом оно продолжает жить в настоящем.

Так, Поль Рикёр принимает нарративистскую позицию, отвергая при этом идею тождества исторического нарратива и художественного рассказа. Несмотря на сходство, уверен Рикёр, между ними существует эпистемологический разрыв, основанный на верифицируемости отношения истории к прошлому. Принятие же противоположного тезиса, по его мнению, ведет к крайне негативным последствиям в политическом отношении – к возможности фальсификаций истории и идеологических манипуляций.

К проблеме прошлого в его отношении к настоящему Рикёр обращается еще в 50-е гг. XX в. Используя диалектику Тождественного и Иного, он определяет прошлое как Иное современности, которое безвозвратно ушло, и специфика историографической операции, по его мнению, как раз и состоит в том, чтобы открыть истину этой ушедшей истории. С другой стороны (и это предмет его статей 50–60-х гг., объединенных в книгу «История и истина»), историк – это часть истории, и прошлое есть «прошлое его настоящего». Изучая ушедшую эпоху, он перемещается в «другое настоящее», расположенное в пространстве «между» – между будущим, ожидаемым и неизвестным, и прошлым, представленным памятью давно ушедших людей. Человек, работающий в этом пространстве, должен воздерживаться от ложно истолкованной объективности и помнить, что история есть прежде всего история людей, человеческих ценностей, заблуждений и ошибок, взлетов и падений, а не только история социальных структур, сил и институтов. Для обозначения этой операции Рикёр вводит понятие репрезентирования (*représentance*), которое «обозначает ожидание, связанное с историческим пониманием конструкций, лежащих в основе реконструирования былого хода событий», и которое является «точкой соединения эпистемологии и онтологии»¹⁹. Утверждение инакости прошлого для Рикёра вполне закономерно, так как существование временной дистанции для гадамеровской герменевтики, в русле которой (хотя и не без оговорок) следует философ, является не препятствием, а скорее условием для познания былого.

Рикёр, однако же, не останавливается на одних только эпистемологических моментах и в поздних работах обращается к онтологическому аспекту проблемы прошлого. Прошлое – это «живое прошлое» (здесь он ссылается на Коллингвуда), которое не воссоздается в ходе историографической операции, а является открытым. Его концепция альтернативна хайдеггеровской, в рамках которой прошлое безвозвратно исчезает, закрыто для возможности «быть иначе», и, следовательно, историчность, с которой имеет дело историк, по сути, «неподлинная», «неаутентичная» для Рикёра. История же имеет дело с прошлым живших ранее людей, ее миссия – «вновь реализовать», реактивировать это «бывшее» (*avoir été*) живших когда-то, что возможно

¹⁸ Олейников А.А. Время истории // Логос. 2021. Т. 31. № 4. С. 5.

¹⁹ Рикёр П. Память, история, забвение. С. 388, 398.

благодаря введению двух элементов. Во-первых, следует подходить к людям прошлого как к субъектам инициативы: «Понимание, что жившие в прошлом люди имели надежды, предвидения, желания, страхи и проекты, означает разрушение исторического детерминизма благодаря ретроспективно-му введению случайности в историю»²⁰. Во-вторых, в целях разрушения «неподлинной» историчности прошлого необходимо восстановить историчность прошлого с помощью историчности настоящего самого историка. Историческая конечность несводима к единственной конечности *Dasein*, ее нельзя отождествлять со стремлением повторить то, что таит в себе прошлое, поскольку дистанция от прошлого, его «инаковость» укоренена в более фундаментальном уровне конечности, в промежуточном символическом пространстве – пространстве общения людей как исторических существ, разделяющих общий мир. И именно в этом промежуточном символическом пространстве, сотканном из непрерывностей, изменений или разрывов, и следует искать отправную точку при решении вопроса о реальности исторического прошлого. Таким образом, для Рикёра прошлое иное по отношению к настоящему, но в то же время это «живое» и открытое прошлое – открытое для новых смыслов и интерпретаций благодаря работе истории, памяти, традиции.

Второй подход к переосмыслению прошлого исходит из положения, альтернативного идее существования качественного различия между прошлым и настоящим. На наш взгляд, наиболее радикальная в этом отношении позиция отстаивается польским историком Эвой Доманска. Отказываясь от конструктивизма и нарративизма, она выстраивает концепцию пространственного (а не временного) присутствия прошлого в настоящем (идея «возвращения к вещам»). Отталкиваясь от хайдеггеровского различия между предметом и вещью, идеи Бруно Латура о посредничестве вещей и от «материальной герменевтики» Дона Айде, Доманска сосредотачивается на «материальности и вещественности следа, а не на его текстуальности и содержании» и пытается «переосмыслить материальный аспект следов прошлого в контексте, отличном от семиотики, теории дискурса или теории репрезентации»²¹.

Более умеренная концепция присутствия прошлого в настоящем исходит из идеи о том, что «историчность и социальность необходимо мыслить вместе», и пытается ответить на вопрос о том, как концепции исторического времени связаны с концептуализацией «Мы», самим характером социально-политического действия. Размышляя над этим вопросом, Бербер Бевернаж предлагает дополнить обычное, синхронное понимание «Мы» (мы, т.е. современники, люди, живущие сейчас) диахронным измерением, подразумевающим «общий опыт, убеждения и солидарность между людьми, которых разделяют многие годы». Если мы откажемся от понимания прошлого только как навсегда ушедшего и иного, а настоящего как здесь и сейчас присутствующего, уверен Бевернаж, то это поможет нам избежать понимания исторического времени как средства исключения (как, например, говорит о нем цитируемая выше М.И. Мудровчич) и представить себе другое «Мы»,

²⁰ Ricœur P. La Distance temporelle et la mort // *Historicités*. Paris, 2009. P. 25.

²¹ Domanska E. The material Presence of the Past // *History and Theory*. 2006. No. 45. P. 337.

«организованное вокруг различных устремлений и солидарности, выходящих за пределы современности»²².

Прекрасным примером и аргументом в пользу выдвигаемой Бевернажем гипотезы можно было бы считать труды французского историка, директора Института новейшей и современной истории при Национальном центре научных исследований (CNRS) Кристофа Шарля, известного работами по сравнительной истории XIX–XX вв. В своих исследованиях Шарль блестяще демонстрирует, что «Мы», т.е. современники, живущие в одну эпоху и даже в пределах одного государства, – это всего лишь «схоластическая иллюзия» (в терминологии П. Бурдьё), порожденная хронологическими несоответствиями и конфликтами временного восприятия, присущего различным слоям общества. Данный феномен Шарль и называет «рассогласованием времен», и это понятие дало название одной из его книг²³. С его точки зрения, рассогласование времен, характерное для «современности» любой эпохи, необъяснимо с помощью таких понятий, как «запаздывание», «сопротивление», «отсталость менталитета», вследствие «незнания» или «инерции» в отношении исторических изменений. Чаще всего, когда поведение групп не соответствует рациональности, предусмотренной теорией, нам приходится иметь дело лишь с упрощенными объяснениями (с помощью таких размытых и неотчетливых понятий, как «поколение», «период», «эпоха», «кризис» и т.п.), используемыми интерпретаторами экономических моделей. На самом же деле «каждое общество в данный момент времени состоит не только из групп с различными социальными интересами, но и из поколений, социализированных в соответствии с различными представлениями об историческом времени либо же по-разному ощутивших на себе негативные или позитивные последствия пережитых жизненных ситуаций (множественных или уникальных)»²⁴. Кроме того, история постоянно искажается свидетельствами доминирующих социальных групп или их интерпретаторов и представителей, которым всегда легче и проще придумать объединяющий синтетический нарратив, чем проводить длительные расследования, дабы выявить все несоответствия и нестыковки. Примечательно, что это сосуществование не только различных представлений о дне сегодняшнем или грядущем, но и циклов памяти и элементов прошлого Шарль прослеживает и в более глобальном масштабе – между разными странами, истории и индивидуальные исторические траектории которых множат несоответствия и недопонимание. В книге «Кризис имперских обществ»²⁵, посвященной сравнительному анализу взаимоотношений между тремя крупнейшими империями XIX и первой половине XX в. – Англии, Германии и Франции, – он рассматривает представления о прошлом этих имперских наций, которые расходятся с критическим настоящим и проблемным будущим, потому что несовместимы с прошлым соседних или конкурирующих государств и с новым соотношением сил в мире. В историческом сознании элит трех имперских обществ еще на протяжении XIX в. сформировались

²² Бевернаж Б. «Прошедшее прошлого». С. 86.

²³ См.: *Charle Chr.* *Discordances des Temps. Une brève histoire de la modernité.* Paris, 2011.

²⁴ *Bantigny L., Deluermoz Q.* Entretien avec Christophe Charle. *Autour de Discordance des temps: une brève histoire de la modernité // Vingtième Siècle. Revue d'histoire.* 2013. Vol. 1. No. 117. P. 231–246.

²⁵ См.: *Charle Chr.* *La Crise des sociétés impériales: essai d'histoire sociale comparée de l'Allemagne, de la France et de la Grande-Bretagne, 1900–1940.* Paris, 2001.

представления, характеризующиеся сегодня как «современность», которые они навязали сначала населению своих стран, а затем народам, над которыми они доминируют и «современность» которых в значительной степени отлична от «современности» имперских держав.

«Гетерогенность настоящего»

Вернемся, однако, к высказанной Бевернажем идее гетерогенности настоящего. С его точки зрения, главным препятствием для устранения жесткой дихотомии присутствия/отсутствия прошлого, мешающим историографии способствовать проведению «вдумчивого анализа ряда важных политических проблем, включая вопросы памяти и так называемую ретроспективную политику»²⁶, является метафизическая пуантилистская и линейная концепция исторического времени, включающая три взаимосвязанных момента. Это, во-первых, возникшее еще в античной философии разрушительное понимание времени как линейного континуума мимолетных, беспрестанно исчезающих мгновений, основываясь на котором «история может предложить лишь слабое утешение в виде истины и памяти перед лицом худшей жестокости прошлого». Во-вторых, порожденное ньютоновской метафизикой абсолютного времени и пространства «метафизическое замораживание времени» – концепция времени как «собирающей сингулярности» (*collective singular*), т.е. хранилища всех произошедших событий, отказ от которой позволяет развить идею плюральности относительно автономных историй и культур. И в-третьих, историческое мышление на основе «современного самому себе (*self-contemporaneous*) настоящего». Анализируя хронософию, основанную на этих тезисах, Бевернаж приходит к выводу о том, что настоящее – не точка, устанавливающая границы между Тождественным (самому себе настоящим) и Иным (прошлым). Суть настоящего, по его мнению, лучше всего передается греческим словом *hama*, означающим «вместе», «все сразу», «одновременно». Оно постоянно заключает в себе «анахронию», порождает «несовременность», дезадаптируя современников. Оно сопротивляется телеологическому времени прогресса, в котором прошлую несправедливость всегда можно оправдать или узаконить, ссылаясь на лучшее будущее. Но оно сопротивляется и идее конца истории, провозглашающей смерть прошлого во имя абсолютного настоящего²⁷.

Итак, что же такое прошлое в понимании авторов, выступающих против жесткого противопоставления присутствия/отсутствия прошлого, основанного на онтологическом различии временных порядков? Определение носит скорее негативный характер: прошлое определяется через то, чем оно не является. А не является оно чисто хронологическим предшествованием во времени по отношению к переживаемому моменту, его «прошедшесть» – скорее социальный конструкт, она носит перформативный характер; поэтому прошлое – это «реляционное отношение», т.е. отношение, всегда зависящее

²⁶ Бевернаж Б. «Прошедшесть прошлого». С. 67.

²⁷ *Bevernage B. Time, Presence, and Historical Injustice // History and Theory. 2008. No. 47 (2). P. 149-167; Idem. History, Memory, and State-Sponsored Violence. Time and Justice. N.Y.; L., 2012. P. 131-146.*

от конкретного понятия настоящего, отношение, конструируемое дискурсом настоящего в настоящем. И здесь возникает новая проблема в рамках разбираемой концепции. Ведь для ее сторонников настоящее («современность») – понятие не менее проблематичное, чем понятие прошлого в его «прошедшести». Вслед за британским философом Питером Осборном Бевернаж признает современность «фикцией», в том смысле, что она создается «продуктивным воображением» и актуализирует не существующую в действительности взаимосвязь проживаемых времен²⁸. Таким образом, в данном случае в эпистемологическом плане мы имеем дело с предельной релятивизацией всех связанных с нашим опытом постижения истории понятий и разрушения онтологии исторического. Идея «непрошедшести прошлого», по Бевернажу, позволяет всерьез относиться к утверждениям миноритарных групп, например, о «незавершенности колонизации» или «дела апартеида».

Но не это ли приводит к бесконечным «войнам памяти» и виктимизации прошлого? По мнению историка Пьера Нора, известного своими работами по исторической памяти, политические проблемы возникают именно тогда, когда объединяющие моменты исторической памяти уступают место памяти частичной, групповой, используемой в политических целях, когда «история, которая никому не принадлежит и призвана сделать прошлое всеобщим достоянием, начинает писаться под давлением мемориальных групп, стремящихся насадить свое собственное прочтение прошлого». История предполагает, а настоящее располагает, говорит Нора. Это значит, что не прошлое, но политизированное настоящее создает инструменты коммеморации, даты и героев, которых следует увековечить или забыть, произвольно изменяет значение событий²⁹.

Заключение. Историческое сознание: прощение и забвение

Каким же образом в таком случае может существовать то самое «Мы», подразумевающее общий опыт и солидарность, организованную на основе различных устремлений, выступающих идеалом человеческого общежития в нашем непростом мире? И обязательно ли «концепция многослойного или множественного времени, допускающая существование разнородных режимов внутри той крайне неустойчивой их констелляции, которую мы называем “нашей” современностью»³⁰, и «многоголосой истории», должна привести к релятивизации и неизбежной политизации нашего отношения к истории? Множество ответов на эти вопросы, которые мы попытались представить в этой статье, будоражат сегодня не только научное сообщество историков и философов, но и общественное мнение и свидетельствуют лишь о том, что проблема исторического сознания и происходящих в нем перемен имеет не только академический интерес – она парадоксальным образом связана с проектом общего будущего. И здесь, видимо, можно согласиться со словами Поля Рикёра о том, что «общество не может жить в бесконечном гнев

²⁸ Бевернаж Б. «Прошедшесть прошлого». С. 75, 82.

²⁹ Нора П. Расстройство исторической идентичности // Мир истории. Электронный журнал. 2010. № 1. URL: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm> (дата обращения: 21.04.2022).

³⁰ Олейников А.А. Время истории. С. 8.

против самого себя»³¹. Прошлое может объединять или разделять людей, больно ранить или, напротив, быть целительным. Но нельзя забывать, что есть и такие формы отношения к истории и прошлому, как прощение и забвение. И в то время как забвение стирает следы прошлого, прощение принимает прошлое в настоящее.

Список литературы

- Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт / Пер. с англ. А.А. Олейникова и др. М.: Европа, 2007. 612 с.
- Барт Р.* Дискурс истории / Пер. с фр. С.Н. Зенкина // *Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 427–441.
- Бевернаж Б.* «Прошедшее прошлого»: некоторые размышления о политике и историзации и кризисе исторического прошлого / Пер. с англ. А. Егоровой // *Логос*. 2021. Т. 31. № 4. С. 65–94.
- Данто А.* Аналитическая философия истории / Пер. с англ. А.Л. Никифорова; под ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
- Капустин Б.Г.* Критика политической философии. М.: Территория будущего, 2010. 484 с.
- Нора П.* Расстройство исторической идентичности / Пер. с фр. М.Р. Майзульса // *Мир истории*. Электронный журнал. 2010. № 1. URL: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm> (дата обращения: 21.04.2022).
- Олейников А.А.* Время истории // *Логос*. 2021. Т. 31. № 4. С. 5–30.
- Репина Л.П.* Эффекты «непостижимого ускорения», или Феномен презентизма в истории исторического сознания // *Диалог со временем*. 2018. Вып. 65. С. 48–58.
- Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ / Пер. с фр. Т.В. Славко. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
- Рикёр П.* История и истина / Пер. с фр. О.И. Мачульской. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
- Рикёр П.* Память, история, забвение / Пер. с фр. И.И. Блауберг и др. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 528 с.
- Фуко М.* Что такое Просвещение / Пер. с фр. И. Окуновой // *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Т. 1. М.: Праксис, 2002. С. 335–359.
- Bantigny L., Deluermoz Q.* Entretien avec Christophe Charle. Autour de Discordance des temps: une brève histoire de la modernité // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 2013. Vol. 1. No. 117. P. 231–246.
- Bauman Z.* Modernity and the Holocaust. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1989. 280 p.
- Bevernage B.* History, Memory, and State-Sponsored Violence. Time and Justice. N.Y.; L.: Routledge, 2012. 250 p.
- Bevernage B.* Time, Presence, and Historical Injustice // *History and Theory*. 2008. No. 47 (2). P. 149–167.
- Carr D.* Time, Narrative and History. Bloomington: Indiana University Press, 1986. IX, 189 p.
- de Certeau M.* L'Absent de l'histoire. Tours: Mame, 1973. 185 p.
- de Certeau M.* L'écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1975. 376 p.
- Charle Chr.* Discordances des Temps. Une brève histoire de la modernité. Paris: Armand Colin, 2011. 494 p.
- Charle Chr.* La Crise des sociétés impériales: essai d'histoire sociale comparée de l'Allemagne, de la France et de la Grande-Bretagne, 1900–1940. Paris: Éd. du Seuil, 2001. 596 p.
- Danto A.* Analytical Philosophy of History. N.Y.: Macmillan, 1965. 283 p.
- Domanska E.* The material Presence of the Past // *History and Theory*. 2006. No. 45. P. 337–348.
- Gallie W.B.* Philosophy and historical Understanding. N.Y.: Schocken Books, 1964. 236 p.

³¹ *Рикёр П.* Память, история, забвение. С. 693–694.

- Hartog F. *Présentisme et vivre ensemble // Entre temps court et temps long / Sous la dir. de Conseil économique social et environnemental*. Paris: PUF, 2013. P. 43–52.
- Hartog F. *Régimes d'historicité: présentisme et expérience*. Paris: Seuil, 2003. 272 p.
- Mink L. *Narrative Form as a Cognitive Instrument // Mink L. Historical Understanding*. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1987. P. 182–203.
- Mudrovic M.I. *The politics of time, the politics of history: who are my contemporaries? // Re-thinking History*. 2019. № 23 (4). P. 456–473.
- New Papers on the Present: Focus on Presentism / Ed. by R. Ciuni, K. Miller, G. Torrenco*. Munich: Philosophia, 2013. 340 p.
- Ricœur P. *La Distance temporelle et la mort // Historicités / Sous la dir. de Ch. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia*. Paris: La Découverte, 2009. P. 13–27.
- Ricœur P. *La marque du passé // Revue de métaphysique et de morale*. 1998. No. 1. P. 7–31.
- Taguieff P.-A. *Du Progrès. Biographie d'une utopie modern*. Paris: Librio, 2000. 237 p.
- Tallant J.Ch. *Presentisme, persistence and tans-temporal dependence // Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in Analytic Tradition*. 2018. Vol. 175. No. 9. P. 2209–2220.
- White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973. 464 p.
- Zawadzki P. *Les équivoques du présentisme // Esprit*. 2008. No. 345 (6). P. 114–134.

On the paradoxes of the time of history

Mariya M. Fedorova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: mf57@yandex.ru

The article is an attempt to comprehend the radical changes in the historical self-consciousness of the modern era and their impact on modern political practices. The position of the author is that our attitude to the time of history crystallizes deep transformations of the political sphere. It is shown that the historicity regime at the turn of the 20th–21st centuries is characterized by an orientation towards today's needs and interests (so-called presentism) and at the same time increased attention to the past (“memorial revolution”), which, in the absence of major socio-political projects of the future, plays the role of a consolidating social factor. These changes required, on the one hand, significant efforts by historians to revise the methodological foundations of their science and, on the other hand, philosophical reflection on key historiosophical concepts and meanings. The most significant discussions concern, first of all, the concept of the past in its relation to the present, “modernity”. Understanding the ontological and epistemological foundations of these concepts has become today a “bone of contention” in building modern political strategies and practices. The article demonstrates how the past from the concept of clear and self-evident, as it appeared within the framework of the historicist concepts of the Modern era, has become a philosophical and political problem in our days. There are two approaches to solving this problem. These are, firstly, those philosophers and historians who defend the modernist idea of the past as different in relation to the present, although they significantly modify it with the help of the idea of a “living past”. And secondly, those philosophers who defend the thesis about the “non-past” of the past and the continuation of its existence in the present. It is concluded that, with all the differences, both types of concepts proceed from the concept of “living past”, which implies a non-linear and “multi-layered” understanding of historical time.

Keywords: time of history, past, present, contemporaneity

For citation: Fedorova, M.M. “O paradokсах vremeni istorii” [On the paradoxes of the time of history], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 127–143. (In Russian)

References

- Ankersmit, F.R. *Vozvysheennyj istoricheskij opyt* [Sublime historical experience], trans. by A.A. Oleinikov et al. Moscow: Evropa Publ., 2007. 612 pp. (In Russian)
- Bantigny, L. & Deluermoz, Q. "Entretien avec Christophe Charle. Autour de Discordance des temps: une brève histoire de la modernité", *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, 2013, Vol. 1, No. 117, pp. 231–246.
- Barthes, R. "Diskurs istorii" [Discours of History], trans. by S.N. Zenkin, in: R. Barthes, *Sistema mody* [System of the mode]. Moscow: Izd. im. Sabashnikovyyh, 2003, pp. 427–441. (In Russian)
- Bauman, Z. *Modernity and the Holocaust*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1989. 280 pp.
- Bevernage, B. "'Proshedshest' proshlogo': nekotorye razmyshleniya o politike istorizacii i krizise istoristskogo proshlogo" ['Pastness of the past': some reflexions on the policy of historicisation and the crisis of the past of historicism], trans. by A. Egorova, *Logos*, 2021, Vol. 31, No. 4, pp. 65–94. (In Russian)
- Bevernage, B. *History, Memory, and State-Sponsored Violence. Time and Justice*. New York; London: Routledge, 2012. 250 pp.
- Bevernage, B. "Time, Presence, and Historical Injustice", *History and Theory*, 2008, No. 47 (2), pp. 149–167.
- Carr, D. *Time, Narrative and History*. Bloomington: Indiana University Press, 1986. IX, 189 pp.
- de Certeau, M. *L'Absent de l'histoire*. Tours: Mame, 1973. 185 pp.
- de Certeau, M. *L'écriture de l'histoire*. Paris: Gallimard, 1975. 376 pp.
- Charle, Chr. *La Crise des sociétés impériales: essai d'histoire sociale comparée de l'Allemagne, de la France et de la Grande-Bretagne, 1900–1940*. Paris: Éd. du Seuil, 2001. 596 pp.
- Charle, Chr. *Discordances des Temps. Une brève histoire de la modernité*. Paris: Armand Colin, 2011. 494 pp.
- Ciuni, R., Miller, K. & Torrenco, G. (eds.) *New Papers on the Present: Focus on Presentism*. Munich: Philosophia, 2013. 341 pp.
- Danto, A. *Analytical Philosophy of History*. New York: Macmillan, 1965. 283 pp.
- Danto, A. *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical Philosophy of History], trans. by A.L. Nikiforov; ed. by L.B. Makeeva. Moscow: Ideya-Press, 2002. 292 pp. (In Russian)
- Domanska, E. "The material Presence of the Past", *History and Theory*, 2006, No. 45, pp. 337–348.
- Foucault, M. "Chto takoe Prosveshhenie" [What is the Enlightenment?], trans. by I. Okuneva, in: M. Foucault, *Intellektualy i vlast'* [Intellectuals and power. Selected Works], Vol. 1. Moscow: Praxis Publ., 2005, pp. 335–359. (In Russian)
- Gallie, W. *Philosophy and historical Understanding*. New York: Schocken Books, 1964. 236 pp.
- Hartog, F. "Présentisme et vivre ensemble", *Entre temps court et temps long*, sous la dir. de Conseil économique social et environnemental. Paris: PUF, 2013, pp. 43–52.
- Hartog, F. *Régimes d'historicité: présentisme et expérience*. Paris: Seuil, 2003. 272 pp.
- Kapustin, B. *Kritika politicheskoy filosofii* [The Critic of the Political Philosophy]. Moscow: Territoria budushhego Publ., 2010. 484 pp. (In Russian)
- Mink, L. "Narrative Form as a Cognitive Instrument", in: L. Mink, *Historical Understanding*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987, pp. 182–203.
- Mudrovic, M.I. "The politics of time, the politics of history: who are my contemporaries?", *Rethinking History*, 2019, No. 23 (4), pp. 456–473.
- Nora, P. "Rasstroistvo istoricheskoi identichnosti" [Disruption of historical identity], trans. by M.R. Maizuls, *Mir istorii. Elektronny zhurnal*, 2010, No. 1 [http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm, accessed on 21.04.2022]. (In Russian)
- Oleinikov, A.A. "Vremja istorii" [The Time of the History], *Logos*, 2021, Vol. 31, No. 4, pp. 5–30. (In Russian)
- Repina, L.P. "Effekty 'nepostizhimogo uskoreniya', ili Fenomen prezentizma v istorii istoricheskogo soznaniya", [The Effects of 'Unfathomable Acceleration', or The Phenomenon of Presentism in the History of Historical Consciousness], *Dialog so vremenem*, 2018, No. 65, pp. 48–58. (In Russian)

- Ricœur, P. “La Distance temporelle et la mort”, *Historicités*, sous la dir. de Ch. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia. Paris: La Découverte, 2009, pp. 13–27.
- Ricœur, P. “La marque du passé”, *Revue de métaphysique et de morale*, 1998, No. 1, pp. 7–31.
- Ricœur, P. *Pamjat', istorija, zabvenie* [Memory, History, Oblivion], trans. by I.I. Blauberg et al. Moscow: Gumanitarnaya literature Publ., 2004. 728 pp. (In Russian)
- Ricœur, P. *Vremja i rasskaz, T. 1: Intriga i istoricheskii rasskaz* [Time and Story, Vol. I: Intrigue and historical narrative], trans. by T.V. Slavko. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaia kniga Publ., 1998. 313 pp. (In Russian)
- Taguieff, P.-A. *Du Progrès. Biographie d'une utopie modern*. Paris: Libro, 2000. 237 pp.
- Tallant, J.Ch. “Presentisme, persistence and tans-temporal dependence”, *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in Analitic Tradition*, 2018, Vol. 175, No. 9. pp. 2209–2220.
- White, H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973. 464 pp.
- White, H. *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX v.* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe], ed. by E.G. Trubina and V.V. Kharitonov. Ekaterinburg: Ural. Univ. Publ., 2002. 528 pp. (In Russian)
- Zawadzki, P. “Les équivoques du présentisme”, *Esprit*, 2008, No. 345 (6), pp. 114–134.